

Н. М. Ядринцев

**Русская община в тюрьме и
ссылке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. М. Ядринцев**
Русская община в тюрьме и ссылке / Н. М. Ядринцев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 701 с.

ISBN 978-5-458-52437-7

Исследования и наблюдения за жизнью тюремных ссыльных и бродяжнических общин, исторический очерк сибирской ссылки, сравнение разных систем наказания в России и Западной Европе, основы новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русских тюремных общин.

ISBN 978-5-458-52437-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги имѣлъ случай близко познакомиться съ міромъ преступниковъ и съ жизнью сибирскихъ тюремъ. Присматриваясь къ внутренней жизни острога, онъ, естественно, имѣлъ возможность сдѣлать много наблюдений въ этомъ „отверженномъ“ мірѣ и наглядно изучить исторію преступленій.

Наблюдая закулисную жизнь преступниковъ, авторъ все болѣе и болѣе приходилъ къ тому убѣжденію, что это міръ такихъ-же людей, какъ и всѣ другіе, такъ-что нелегко ему было выяснитъ себѣ, откуда взялись тѣ предрасудки, которые заставляютъ видѣть въ преступникахъ что-то нечеловѣческое. День за днемъ передъ нимъ открывалась картина обыкновенной человѣческой жизни съ ея радостями и печальми, интригами и желаніями, только замкнутая въ узкую рамку острога и неволи, — съ очень естественнымъ стремленіемъ — во что бы то ни стало, всевозможными фикціями и усиліями, какъ-нибудь расширитъ тѣсную обстановку свою для удовлетворенія разныхъ житейскихъ потребностей.

Матеріаль острога представлялъ такое разнообразное собрание людей, такую массу несчастія, которая невольно заставляла обратить на себя вниманіе. Это былъ старый рус-

скій острогъ да къ тому-же еще сибирскій, гдѣ, по прежнему способу, сваливалась куча людей безъ всякаго разбора, — отчаянныхъ каторжниковъ, убійць, ссыльныхъ, мазуриковъ, всевозможныхъ бѣдняковъ, а иногда и людей невинныхъ и глубоко несчастныхъ. Въ этой массѣ можно было ближе-всего познакомиться съ жизнью простого народа и его судьбою. Не одни преступления, развратъ и извращеніе человѣческой природы приходилось открывать здѣсь; напротивъ, здѣсь встрѣчались иногда самыя-сильныя и нерѣдко самыя-даровитыя натуры русскаго народа. Недаромъ Ю. М. Достоевскій, испытавшій знакомство со старымъ русскимъ острогомъ, воскликнулъ въ концѣ своихъ наблюдений: „Сколько въ этихъ стѣнахъ погребено молодости! Сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все связать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, быть можетъ, и есть самый-даровитый, самый-сильный народъ изъ всего народа нашего“. И, дѣйствительно, кто опускался хоть разъ въ глубь народной жизни, кто сталкивался съ непочатую массою народа, гдѣ бы то ни было, тотъ не можетъ не припомнить словъ профессора Бергера *): „какая бездна жизненной силы заключается въ низшихъ слояхъ общества и какъ въ этихъ слояхъ безъ всякаго воздѣлыванья и ухода возникаютъ благороднѣйшіе цвѣты человѣческой души — доброта и любовь, а гений, умъ и острота пробиваются къ свѣту, не смотря на всѣ препятствія!“ Воть-почему авторъ изъ своего знакомства съ острогомъ могъ вынести не одни только мрачныя воспоминанія. Здѣсь, среди людей, во многомъ, дѣйствительно, преступныхъ да еще извращенныхъ жизнью среди развращенія и распущенности стараго русскаго острога, — въ этомъ пандемоніумѣ приходилось увѣряться въ общихъ свойствахъ человѣческой природы, — видѣть порывы искреннихъ чувствъ доброты и любви къ ближнему. Не го-

*): „Загадочныя Натуры“, Шинельгагена; стр. 329.

всё уже объ отдельных индивидуумах, возможно испорченных, — въ самой коллективной жизни острова нельзя было не найти иногда самыхъ симпатическихъ сторонъ. Жизнь преступниковъ, какъ намъ казалось, можетъ служить поводомъ не къ порицанію только человеческой природы вообще, но иногда наоборотъ доказательству того, что инстинкты обществѣ, взаимныхъ привязанностей и симпатій лежатъ столь глубоко въ природѣ человѣка, что не пропадаютъ даже въ самой отверженной тюремной общинѣ. Подобный выводъ, делаемый жизнью, — намъ казалось, — не только не расходится съ общечеловѣческой философіей нравственности, но напротивъ подтверждаетъ всю живучесть нравственного принципа въ природѣ человѣка.

До сихъ поръ какъ природа самого преступника, такъ и общественная жизнь его подвергались только порицанію и исследовались исключительно въ однихъ дурныхъ сторонахъ своихъ, какъ будто въ средѣ преступниковъ и не могло быть нѣкоторыхъ опасныхъ-человѣческихъ проявленій жизни, въ которыхъ можно встрѣтить иногда много замѣчательно и поучительно, если, разумеется, жизнь тюремной общины будетъ подвергнута болѣе-всестороннему разсмотрѣнію; между тѣмъ русская тюремная и ссыльная община заслуживаетъ тѣмъ болѣе-вниманія, что въ ней можно, чѣмъ въ европейскихкихъ тюрьмахъ прежняго времени, развить общинныя начала. Поэтому автору не хотѣлось, чтобы историческій бытъ нашей тюремной общины преналъ даромъ, и раскрытію внутренней ея жизни онъ посвятилъ нѣсколько очерковъ: онъ предполагаетъ, что община эта можетъ во всякомъ случаѣ быть любопытна, какъ историко-этнографическій памятникъ нашей народной жизни.

Тюрьма, въ которой автору этой книги привелось видѣть значительное скопленіе ссыльныхъ, бродяжескихъ и каторжныхъ элементовъ, дала ему поводъ познакомиться

съ характеристическими чертами прежней системы наказанія; при наблюдении надъ острожнымъ населеніемъ ему пришлось близко изучить нашу ссылку и жизнь бродяжескихъ общинъ. Самая жизнь тюрьмы, живые рассказы людей и приобретенныя авторомъ записки заключенныхъ давали понятіе о томъ, какъ наказаніе отражается въ жизни, какія ощущенія выносятся здѣсь человѣкъ и какіе отъѣныя страданія сопровождаютъ его неволю. Чтобы понять и взвѣснить всю тяжесть неволи, — надо ее пережить и почувствовать: только тогда узнаешь всю тяжесть лишенія свободы, только тогда оцѣнишь всѣ блага этой свободы и человеческой независимости. Кто не знаетъ этого несчастія, тому оно, можетъ быть, кажется совершенно инымъ и въ другомъ свѣтѣ. Точно-также, вѣроятно, только тотъ узнаетъ всю жгучую боль ссылки и изгнанія, кто самъ, по выраженію изгнанника Дантэ, „долженъ былъ покинуть все, что было дорого его сердцу, испытать, какъ горекъ хлѣбъ изгнанника и какъ тяжело входить и спускаться по ступенямъ чужой лѣстницы“.

Овѣдѣвъ, добытыя личными наблюденіями и разпросами, авторъ призналъ необходимымъ провѣрить изслѣдованіемъ объ историческомъ значеніи русской ссылки. Опытное изученіе прежняго наказанія, какъ мы полагаемъ, можетъ служить важнымъ урокомъ и для будущихъ исправительно-педагогическихъ системъ *).

Кромѣ того авторъ старался разсмотрѣть лучшія опыты европейскаго пенитенціарнаго наказанія, дополнивъ ихъ тѣми образцами, которые онъ вынесъ при изученіи русской тюремной общины. Онъ надѣется, что его очерки не бу-

*) Нѣкоторыя статьи автора („Община и ея жизнь въ тюрьмѣ“, „Одинокое заключеніе, изъ записокъ послѣдственнаго“, „Ссылное и бродячее населеніе Сибири“ и „Историческіе очерки ссылки“) печатались намъ въ одномъ подцензурномъ журналѣ: въ настоящемъ сборникѣ онѣ помѣщаются почти безъ перемѣнъ.

будутъ бесполезными въ моментъ нашей тюремной реформы и могутъ пригодиться при разрѣшеніи хотя-нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, возникающихъ при новомъ исправительномъ наказаніи.

Искреннимъ желаніемъ автора было—содѣйствовать выработкѣ рациональной системы исправленія, которая-бы, давая полныя гарантіи общественной безопасности, могла возможно-болѣе благопріятствовать перевоспитанію человѣка и его нравственному совершенствованію. Онъ надѣется, что вводимая у насъ новая исправительная система наказанія болѣе-внимательно отнесется къ судьбѣ преступника, внесетъ новыя, гуманныя взгляды въ систему наказанія и, содѣйствуя исправленію наказуемой личности, сниметъ съ нея хоть часть тѣхъ излишнихъ страданій и горя, въ существованіи которыхъ, при прежней системѣ наказанія, иногда приходилось убѣждаться горькимъ опытомъ.

6 декабря 1871 г.

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(подъ следствиемъ).

I.

Первыя минуты неволи *).

Помню, началась весна. Широко разлившіяся рѣки спокойно и ровно легли по равнинамъ, отразивъ свѣтлое весеннее небо; деревья зазеленѣли и покрылись пушистыми сѣрьгами; молодая черемуха, какъ невѣста, убралась бѣлыми гирляндами; кругомъ переливались нѣжныя и мягкія травы; головки веселыхъ цвѣтовъ закивали на солнцѣ; свободныя птицы рѣяли въ голубомъ и прозрачномъ воздухѣ моей родины; юная верба опустила свои зеленныя руки въ озеро; зашумѣли тростники на зеленыхъ островахъ; молодой соловей началъ свою весеннюю пѣсню и солнце обдало эту раздвѣтающую и ликующую природу своимъ жгучимъ и яркимъ свѣтомъ. Все звало къ жизни, къ любви, къ счастью!..

Въ такое-то время меня подвезли къ большому каменному зданію острога. Предо мною стоялъ извѣстный всѣмъ, вѣчно потрясающій фасадъ „мертвago дома“, „дома плача и скорби“, со своими темными, какъ виа-

*). Записки эти, касающіяся послѣдствіеinnаго заключенія, принадлежатъ одному изъ подсудимыхъ, когда-то при прежнемъ судопроизводствѣ долго содержавшемуся въ острогѣ. Записки пріобрѣтены нами случайно. Здѣсь мы помѣщаемъ ихъ почти безъ измѣненія, присоединивъ къ нимъ свои особую статью.

дины черепа, окнами, съ гладко-форменнымъ видомъ, съ холодными и непривѣтливými каменными стѣнами, съ декорумомъ запоровъ, штыковъ, рѣшотокъ и блѣдновеле-ныхъ лицъ. Болѣзненно завизжала калитка жолтыхъ фор-менныхъ воротъ, въ которую вошли мы; стукнула засовъ, быстро задвинутый за нами часовымъ. Изчезъ уличный шумъ и насъ окружило мертвое молчаніе тюрьмы. У меня какъ-будто что-то оторвалось отъ сердца. Я чувствовалъ, что за этою калиткою остались вольный міръ, моя свобода, жизнь. Я отрывался отъ нихъ. Надолго-ли?.

Мы вошли въ мрачную кордегардію острога съ каки-ми-то готическими окнами и средневѣковой мебелью; тяжолыя, неуклюжія скамьи, омути́е омоло стѣнъ, толпа надзирателей и солдатъ—все это тѣснилось среди мрака и грязи. Усатый и форменный народъ съ тупымъ лю-бопытствомъ стѣснился около меня; толстенный и кругл-ый, какъ шаръ, смотритель суетился съ бумагами, рас-писывался, употребляя усилія, чтобы маэнуть перо въ чернильницу, заплывшую тиной и грязью, таялъ отъ жары и отиралъ крупно-люди́йся потъ съ озабочен-наго и нухлаго лица; въ то-же время одинъ изъ надзи-рателей уже дѣлъ въ мой чемоданъ, а красный, съ ры-жими усами и бойкимъ взглядомъ, включивъ безцере-монно началъ меня ощупывать съ видомъ такой ловко-сти, какою не достигнетъ никакой акушеръ. Я невольно отшатнулся, но онъ, даже не взглянувъ, упорно полѣзъ въ голенища моихъ сапогъ и затѣмъ погрузилъ красныя клешни свои въ мои карманы,—даже съ большою раз-вязностью, чѣмъ въ свои собственныя. Какое-то непри-ятное чувство охватило меня—горькое чувство обиды, уни-женія. Неприятно было быть въ положеніи какаго-то ма-зурика. Я насилу совладалъ съ своимъ смущеніемъ, и даже не обратилъ особаго вниманія, какъ мой перо-чинный ножичекъ съ какимъ-то завалавшимся гривенни-комъ перецолъ въ карманъ ревизора. „Извините, это у насъ такъ заведено“, успокоивалъ меня въ то-же время,

на счет обыска вѣзливый смотритель. Кончилисъ эти пытки. Я отдалъ деньги, табакъ, причомъ, однако, смотритель сдѣлалъ мнѣ компромисъ на десятокъ папиросъ, какъ арестанту изъ благородныхъ. Скоро смотритель дачезъ и затѣмъ отданъ былъ закулисный приказъ вести меня внутрь острога. Мы пошли по извилистымъ и темнымъ корридорамъ, дзрывшимъ, какъ жида, внутренность этого мрачнаго жилища. Мы шли по каменному полу; вездѣ висѣли каменные своды, придавая суровый и таинственный видъ зданію. Сзади гремѣла сабля и приклады; слышался топотъ конвоя; впереди бѣжалъ толстенькій и лысый ключникъ съ ключами. По сторонамъ видѣлись выкрашенные черной краской двери съ маленькими оконечками. За одной изъ нихъ слышался шумъ. „Наручными его, наручными!“ кричала какакто хрипая глотва. Затѣмъ кто-то завоялся и тяжело грянулся на нары. Все это пронеслось быстро и мы очутились въ пустынномъ завоулѣ корридора. Ключникъ вѣжливо остановился у отворенной двери въ маленькую, мрачную комнату, изъ которой обдавало задлымъ, стоячимъ воздухомъ. Я взглянулъ на моего харона: поза его была такая выжидающая и, въ то-же время, приглашающая, что я поспѣшилъ войти сюда. Прежде всего мнѣ кинулись въ глаза въ этой комнатѣ закуроренныя, двойныя, страшно засаленныя рамы. Я обратился было, чтобы сдѣлать вопросъ на счетъ ихъ, но уже не нашолъ никого: ключникъ зналъ свое дѣло, и лишь-только я сдѣлалъ шагъ, какъ дверь захлопнулась, глухо стукнула тяжелый засовъ и уже визжалъ раздражающій ухо, старинный экономическій острожный замокъ. Конвой удалился, оставивъ у дверей камеры браваго часового, который стоялъ все-еще вытянувшись. Я осмотрѣлъ комнату. Это была обыкновенная секретная камера, шаговъ 6¹/₂ въ въ длину и шага 3 въ ширину. Свѣтъ тускло пробивался въ запяленные и загаженныя муками рамы; рѣшотка дѣлала окно еще темнѣе. Стѣны комнаты были

покрыты красными пятнами: слѣдъ чьей-то ожесточенной борьбы съ клопами; въ сторонѣ стояла занимающая полкомнаты кровать съ арестантскимъ тюфякомъ, толстымъ, какъ рогожа; покрытымъ тоже кровавыми пятнами: Подъ кроватью, въ слоѣ пыли, валялась портянка и деревянный обрубокъ, залитый саломъ: слѣдъ прежняго жилища... „Кто онъ былъ: убійца, воръ или разбойникъ? Какъ онъ проводилъ здѣсь время, какъ онъ ожидалъ наказанія, какъ онъ мучился по ночамъ?“ болѣзненно зашевелилось въ головѣ моей. Но что придавало болѣе всего мрачный и унизный видъ секретной, это — большая, черная дверь съ маленькимъ стекломъ, въ которую то-и-дѣло заглядывалъ часовой и за которой въ антрактахъ онъ брякалъ ружьемъ. Странно: эта комната, хотя я ее въ первый разъ видѣлъ, показалась мнѣ знакомою. И вдругъ моя память стала рисовать мнѣ далекое прошлое. И оно встало, озаренное солнцемъ моей весны, моего дѣтства. Я вижу праздничный, веселый день. Богатая, свѣтская дама, моя мать, ѣдетъ со мною къ обѣднѣ въ острожную церковь нашего родного города. Тогда я былъ веселымъ и балованнымъ ребенкомъ. Съ удивленіемъ вглядывалъ я любопытными дѣтскими глазами на блѣдныхъ людей въ ефрыхъ халатахъ, съ унылой, убитой наружностью стоявшихъ противъ насъ за рѣшоткой. „Это все несчастные, несчастные, мой другъ“, говоритъ мать моя. Послѣ обѣди мы съ смотрителемъ замка пошли посмотрѣть несчастныхъ. Я не помню, много-ли мы обходили камеръ, но одна изъ нихъ въ особенности врезалась въ память. Въ низенькомъ корридорѣ нижняго этажа смотритель отперъ намъ черную дверь съ надписью наверху: „за грабежъ и убійство“. Тогда мы увидѣли одиночнаго арестанта: онъ былъ молодъ, съ худымъ и блѣднымъ тюремнымъ лицомъ; волосы его висѣли въ беспорядкѣ на лбу; глаза его были красны и какъ-то безумно блуждали; онъ всталъ и поволочилъ за собою цѣпь, на которой былъ привѣванъ